

Ю. ПОТЕХИН

Без союзников и тактики

П. Н. Милюков приехал из Парижа в Берлин и прочел здесь лекцию¹. Он не предполагал уделять в ней особенного внимания группе «Смена Вех». Ибо, по его мнению, в Париже влияние нововеховцев «не идет дальше отдельных единиц». Но в Берлине «этот антишанбр большевизма привлекает гораздо больше клиентов». И П. Н. Милюков «остановился на критике этого направления гораздо подробнее, чем предполагал это сделать раньше».

Этой критике «Накануне» посвятило особую статью. На столбцах «Последних Новостей» П. Н. Милюков дал ответ на нее. Он характеризует нашу статью, как желание сменовеховцев сделаться его «непрощенными союзниками», а в основе такого желания видеть — «слегка ретушированный отчет о лекции». Спор в этой последней плоскости представляется и мало интересным, и достаточно бесплодным. Смеем уверить, что наш отчет передавал и содержание, и тон лекции с максимальной возможной точностью. Если теперь П. Н. Милюкову кажется, что он говорил иначе, чем это передано в «Накануне», то объяснений тому лишь два: во-первых, часть лекции, посвященная «Смене Вех», была экспромтом, вызванным берлинской обстановкой, во-вторых, воспоминания об этом экспромте слегка ретушированы обстановкой парижской.

Гораздо интереснее возражения, сделанные нам П. Н. Милюковым, по существу. Чтобы не осложнять вопроса, мы возьмем их в той, более заостренной, редакции, как они даны на столбцах «Посл. Нов.», когда П. Н. Милюков вернулся уже в Париж, где «влияние сменовеховцев не идет далее отдельных единиц». Для нас сделать это тем легче, что наши тактические положения достаточно жизненны и устойчивы чтобы изложение их не приходилось менять соответственно передви-

жению по параллели Вашингтон — Париж — Берлин. Наша идеология достаточно определена, чтобы выводы из нее вытекающие оставались неизменными, независимо от того, влияем ли мы на «отдельные единицы» или «привлекаем больше клиентов».

Итак, по существу.

Группа «Смена Вех» дает ложное направление естественной и в основе здоровой тяге эмиграции на родину. Возвращение в Россию невозможно, ибо интеллигенция, остававшаяся там не может найти применения своим силам. Культурная работа, созидательный труд невозможны в России — зачем же обращаться туда.

Конечно, берлинская эмигрантская масса гораздо ближе к России, чем парижские единицы, ближе и географически, и по духу, и по настроениям, и по возможности общения с родиной (между прочим, не в этом ли объяснение «значительно большего чиста клиентов»?).

Но неужели П. Н. Милюков в Париже действительно ничего не знает про ту, гигантскую по затрачиваемой энергии и отнюдь не ничтожную по результатам, культурную работу, которую все эти годы вела интеллигенция в России? Не знает о созидательной работе в армии? Не слышал о трудах в научной области? В области музейной; в сфере литературного творчества? Пусть П. Н. Милюков не учитывает Ахматову², Есенина³ и многих других новых... но неужели он не прочел и «Переписку из двух углов»⁴ Гершензона⁵ и В. Иванова⁶? Что приблизительно равное по ценности сумела дать интеллигенция в изгнании. И, наконец, даже в области технической, когда сравнишь какую-нибудь книжку с невероятными трудностями изданную в Москве и от шрифта до рисунка на обложке полную тонкого вкуса и любви к книге, с шедевром русского книгоиздательства за границей — «Жар Птицей»⁷ — ответ о возможности работы и творчества в России уже дан.

Поэтому, можно бы и не останавливаться на предложении сменовеховцам доказать личным примером возможность работы в России. Едва ли наш оппонент и сам принимает это возражение всерьез. Я думаю, П. Н. Милюков немало и справедливо удивился бы, если бы ему задали вопрос: — «Вы против интервенции и непримиримый противник советской власти. Вы считаете, что она должна быть и будет свергнута путем внутреннего революционного взрыва. Почему бы Вам не проехать в Тамбовскую губернию и не поступить под команду Антонова⁸, подвигам которого во славу народопрравства было отведено столько места в Вашей газете?»

Такой вопрос был бы гораздо логичнее, чем предложение, обращенное к сменовеховцам. — Ну-ка, поезжайте, попробуйте. — Ибо,

поскольку мы поставили на очередь проблему массового возвращения в Россию интеллигенции и первым этапом этого возвращения считаем идеологическое примирение с Новой Россией и ее властью — постольку нашил персональных возвращением вопрос не разрешается, а осложняется. Пока такое примирение не стало еще всеобщим, наше место именно здесь. Мы возложили на свои плечи слишком большую ношу, мы приняли на себя слишком большую ответственность, чтобы оставить начатое дело, не доведя его до конца. Разумеется, позиция парижских демократических кадет слаба вовсе не тем, что ее творцы не задаются целью ехать в Россию и организовывать зеленых в горах Кубани. Так признаем же взаимно, что серьезные политические разномыслия не решаются в такой плоскости и лучше их в нее совсем не переносить.

Нововеховцы играют на мотиве патриотическом. Между тем, по мнению П. Н. Милюкова, большевики хотя и имеют, как и всякое правительство, управляющее Россией, известный международный вес, но этот вес они не увеличили, а парализовали. Советское правительство стремится к объединению России, но то объединение, которого ока достигает, является насильственным, механическим и непрочным.

Пусть потрясения революции ослабили международное значение России. Милюков сам признает, что «в отдельных случаях интересы России и советской власти совпадают». Он «признавал это открыто, когда дело касалось Японии или Польши». Но ведь частный случай с Польшей длился два года и с национально-государственной русской точки зрения отнюдь не закончен рижским миром. Частный случай японской оккупации имеет за собой 4-хлетнюю давность⁹. А Бессарабия?¹⁰ А попытки, инсценируя восстания, отрезать Россию от незамерзающего моря на Мурмане?¹¹ А желание обескровить русскую промышленность, захватив бакинскую нефть? Не достаточно ли, однако, этих отдельных случаев, чтобы вынести общее заключение, что в течение четырех лет советская власть на Севере и на Западе, на Кавказе и в Сибири делала все, что было в ее силах для отстаивания чести, достоинства и достояния России. А в это время люди, называющие себя русскими патриотами, стремились вселить в иностранцах убеждение, что русская власть так слаба, что ей можно диктовать любые условия.

Не пора ли, наконец, признать, что отдельные случаи совпадения интересов России и ее власти, длясь систематически и непрерывно четыре года, дают оснований для общей категорической нормы — помогать этой власти и стремиться усилить ее международный вес.

Особенно сейчас, в решающие дни Генуи¹². Сейчас, когда вы поняли, что требования, предъявляемые в Генуе советской делегации, предъявляются России.

А считать ли парадоксальное для вас совладение интересов Советской России с интересами России просто — случайным и механическим, или видеть, как мы, его естественность и органичность — это уже вопрос идеологии. Идеология же, по собственному признанию П. Н. Милюкова, у нас во многом сходна. Мы имеем «приток живых сил за счет тех идей, которые им были высказаны более года назад».

Нам казалось и кажется естественным и нужным, чтобы среди этих живых сил был и сам автор идеи полного и безусловного приятия революции. Мы уверены, что рано или поздно это произойдет. Живые силы продолжают притекать к нам все в большем числе. Отмежевываясь от «непрощенных союзников», вы изолируете не нас, а самого себя.

Кстати, несколько слов об этом эпитете. Не о внешней резкости, а о внутреннем содержании его. Мы, очевидно, остались не поняты: ни о каком союзе между нами и П. Н. Милюковым речи нет и быть не может. Можно говорить лишь о полном слиянии; о принятии наших выводов из Ваших (не будем спорить об авторском праве) идеологических предпосылок.

Революция произошла закономерно — она была исторически неизбежна. Революция оказалась не только закономерной, но и целесообразной — в конечном итоге результаты ее исторически благодетельны. В процессе революции переплавились, обновились и окрепли все ткани государственного и народного организма России. Народ приобщился к сознательному государственному творчеству, и стал единой, определяющей судьбы России, силой. Единый, неразложимый на мартовский и октябрьский фазисы, процесс революции ныне завершается. Открывается возможность эволюционным путем достичь целей, оказавшихся недостижимыми методами чисто революционными, закрепить в жизни подлинно ценное из завоеваний революции, и исправить ее неизбежные и законные ошибки.

Понять эти возможности и приступить к практическому использованию их должен русский демократический либерализм. Он также должен выйти из революции переплавленным и внутренне обновленным. Спор между старой и новой тактикой в кадетской партии исчерпался так быстро и бесплодно, ибо либерализм русский распался не на два, а на три течения. И в то время, когда два из них вели споры о том, кто хранит старую правду, кто верен былым традициям, жизнь толкала все живое, что было в русском либерализме, к тем, кто *видел*

необходимость создания новой традиции, кто старую правду превращает в новую истину, живую и действенную. Тем более странно прозвучат упрек одного из крупнейших деятелей этого либерализма к сменовеховцам в том, что в сущности у них нет собственной идеологии, а есть только тактика. Политическая деятельность вообще, а в революционные эпохи в особенности, всегда гораздо больше — тактика, чем идеология. В этом — объяснение того, думаем небезызвестного и П. Н. Милюкову факта, что среди «отдельных единиц», на которых распространяется влияние нововехистов в Париже есть ближайшие спутники Милюкова по новой тактике.

В этой новой тактике наряду со спорными достоинствами, есть большой и несомненный недостаток: в ней *вовсе нет никакой тактики*. Каковы, в самом деле, ее конкретные выводы? Что ей рекомендуется? Сидеть в позе «воплощенной укоризны» за границей и ждать, что «настанет пора и проснется народ». Это политическая нирвана, это общественный буддизм, а не тактика.

Или тактика — то, что сидеть в ожидании «народного пробуждения» рекомендуется по соседству с эсерами? Или, наконец, тактика в том, чтобы сегодня признавать совпадение интересов советской власти и России, а на завтра негодовать на признающих это?

Это утомительный и ненужный бег на месте, а не тактика.

Но где нет тактики, там, вообще, нет политической деятельности, а есть только, по старой памяти и в силу инерции, — политические деятели. С течением времени они рискуют перестать быть таковыми. Мы слишком уверены, что П. Н. Милюкову эта опасность не грозит. Мы уверены, что он окажется неизбежно в том русле, по которому жизнь направляет после революции русский либерализм; в безвоздушном пространстве «новой тактики» он не останется. Процесс его эволюции влево будет ускоряться по мере уменьшения того партийного груза, который всегда связывал свободу тактического маневрирования лидера партии к. д. В тот момент, когда он увидит, что влияние «новой тактики» не распространяется уже и на «Отдельные единицы», П. Н. Милюков окажется вместе со сменовеховцами, или путем какой-нибудь новейшей тактики даже обойдет нас с левого фланга.

И в том, и в другом случае ему надо преодолеть еще одно, психологическое препятствие: приняв революцию нужно признать неизбежность насилия как метода ее действия. И более того — пережив революцию, пора понять законность насилия, в любой вообще системе государственного управления. Тогда слова о том, что «Советская власть в России опирается ничуть ни на большее насилие, чем любая другая власть в другом государстве» покажутся, если и спорными,

то и не столь уже далекими от истины. Ибо тогда эта слова предстанут в их подлинном смысле — относительном, а не абсолютном.

Если сумма насилия, к коему вынуждена прибегать ныне русская государственная власть и чрезмерно велика, то чрезмерны и трудности пореволюционного неустоявшегося быта, кои, впредь до создания прочного и законченного аппарата власти, приходится преодолевать. Поставленные подобные условия любое правительство Европы не было бы ни более мягкосердечным, ни менее решительным. А главное — по мере преодоления пореволюционного хаоса насилие государственной власти принимает организованные формы *нового положительного права*. И в этот момент всякий удар по Власти есть удар по идеалу России, как правового государства.

Сейчас в голоде, нищете, разрухе и еще неизжитом насилии анархических вспышек, этот идеал творится в действительной жизни, облекается плотью и кровью.

Самые лучшие, по моральным источникам своим, вегетарианские вопли против насилия власти рожденной Революцией — являются антиморальной по следствиям изменой собственному идеалу. — Идеалу эволюционного развития России как правового демократического государства.

Революция и десятичные дроби

Только теперь, вернувшись из-за границы, прочел первый номер «России»¹ и статью, посвященную «Сменовехам в Петрограде».

Но ознакомиться я с нею мог еще не границе в покойном Вержболово². Из прощальной пачки эмигрантских газет «Последние Новости» перепечатали эту статью почти целиком и как-то она кстати пришлась между отчетом о лекции Кусковой, статьей самой Кусковой и восьмистолбцовым фельетоном под не загадочными инициалами П. М.³ на тему все о той же Кусковой.

Это еще с лета началось: так сказать, кусковизация эмигрантской общественности. Тут и старые завоевания, и заветы революции, и национальный смысл октября; «долой интервенцию», не надо гражданской войны и... революционное свержение коммунистической диктатуры; признание, что 17–18-х годах большевики поддерживались подавляющими массами народа и утверждение, что сейчас, зато, с ними незначительное меньшинство.